

Как в капле воды: лексика разговорного испанского Кубы на примере одного анекдота

© А.В. Садиков, 2023

Садиков Александр Викторович, канд. филол. наук, профессор кафедры устного перевода ВКИЯ МИД России.

119200, Москва, Смоленская-Сенная пл., 32/34

E-mail: el_moscovita2002@bk.ru

Аннотация. Испанский язык Кубы, в том числе и в его разговорной разновидности, являет собой весьма своеобразное и в некотором плане уникальное явление. Порождение неповторимой истории кубинского этноса, кубинская разговорная речь запечатлела в себе влияние множества языков, а также и этнических и религиозных культур. Здесь как нигде в Западном полушарии, за исключением разве что Бразилии, было сильно воздействие африканского прошлого значительной части населения, что не могло не отразиться в языке сначала афро-кубинского сообщества, а затем и в разговорной речи всего национального варианта. Другим источником разговорного кубинского является испанское просторечие – ввиду наличия на протяжении многих лет большого количества этнических испанцев. Наконец, заметно присутствие еще двух элементов – цыганского и португальского, нашедших свое место среди самой употребительной кубинской разговорной лексики.

Ключевые слова: кубинский вариант, разговорная речь, африканский элемент, негры-рабы, нигеро-конголезские языки, тайные сообщества, мистические культы, цыганский элемент, живое языкотворчество, приемы словообразования

Для цитирования: Садиков А.В. (2023) Как в капле воды: лексика разговорного испанского Кубы на примере одного анекдота. *Ибероамериканские тетради*. № 1. С. 113–131. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-1-113-131

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Como en una gota de agua: léxico del español coloquial de Cuba ejemplificado por un cuento de humor

© A.V. Sádikov, 2023

Alexánder V. Sádikov, PhD (Letras), Catedrático del Departamento de Interpretación, Escuela Superior de Lenguas Extranjeras, Ministerio de Asuntos Exteriores de la Federación Rusa.
119200, Moscú, Smolenskaya-Sennaya plaza, 32/34
E-mail: el_moscovita2002@bk.ru

Resumen. El español de Cuba, incluso en su variedad coloquial, constituye un fenómeno bien peculiar y, en cierto sentido, único. Producto de una historia sin parangón de la etnia cubana, el lenguaje coloquial de la Llave del Caribe es una amalgama de influencias de multitud de lenguas, así como de muchas tradiciones étnicas y religiosas. Aquí, como en ninguna otra parte del Hemisferio Occidental, a excepción, quizás, del Brasil, fue tan patente la impronta de la herencia africana de gran parte de su población, que repercutió en la expresión oral de la comunidad afrocubana primero, y en el lenguaje coloquial de toda la nación, después. Otra de las fuentes del mismo es el habla vulgar de los españoles nativos, debido a la presencia secular de los mismos en la Isla. Por fin, es bien notable la influencia de dos elementos más: el portugués y el gitano, puesto que ambos hallaron su nicho en el léxico más usual del español cubano.

Palabras clave: variedad nacional cubana, lenguaje coloquial, elemento africano, negros esclavos, lenguas nigero-congolesas, sociedades secretas, cultos místicos, elemento gitano, viva creación idiomática, modelos de formación de palabras

Para citar: Sádikov A.V. (2023) Como en una gota de agua: léxico del español coloquial de Cuba ejemplificado por un cuento de humor. *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 1, pp. 113–131. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-1-113-131

Declaración de divulgación: El autor declara que no existe ningún potencial conflicto de interés.

Like in a Drop of Water: colloquial Cuban Spanish in just one Joke

© A.V. Sadikov, 2023

Alexander V. Sadikov, PhD (Philology), Professor at Oral Translation Department, Higher School of Foreign Languages, Ministry of Foreign Affairs of Russia.
119200, Russia, Moscow, Smolenskaya-Sennaya square, 32/34
E-mail: el_moscovita2002@bk.ru

Abstract. Cuban Spanish, its colloquial variety included, is quite a peculiar, perhaps a unique phenomenon. Fruit of the unique history of the Cuban ethnic community, the Cuban colloquial speech has become an amalgam of imprints of many languages, as well as of a host of ethnic and religious traditions. Here, as nowhere else in the Western Hemisphere, with the exception, perhaps, of Brazil, the African heritage stayed very much alive and came afloat first in the language of the Afro-Cuban community as a whole, and then in Cuban Spanish as such. And yet other sources of colloquial Cuban should also be mentioned: first, the colloquial speech of native Spaniards, which were plenty on the Island before the Revolution of 1959 and contributed a lot to the patterns of word-formation in Cuban; and, finally, two more elements: the Portuguese one and the Gipsy one, as units thereof have found a prominent place among the most commonly used Cuban colloquialisms.

Keywords: Cuban variant, colloquial speech, African element, black slaves, Niger-Congolese languages, secret societies, mystical cults, Gipsy element, real-life language creation, patterns of word-formation

For citation: Sadikov A.V. (2023) Like in a Drop of Water: colloquial Cuban Spanish in just one Joke. *Iberoamerican Papers*, no. 1, pp. 113–131. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-1-113-131

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

Кубинский национальный вариант испанского языка, а равно и в рамках его существующая разновидность разговорной речи (РР), уже давно стали и еще не раз станут предметом исследований, предпринимаемых кубинскими и иностранными лингвистами. Тому же предмету посвящает свои работы и автор данной статьи. Но сейчас перед нами стоит конкретная и ограниченная задача: на материале небольшого речевого произведения ввести филолога-испаниста, а также и любого студента и аспиранта, избравшего данный язык в качестве своей профессии, в курс предмета, обозначенного несколькими строками выше.

Начнем с того, что процитируем анекдот, популярный на Кубе в 50-е – 60-е гг. прошлого века.

Итак:

Llega un tipo al ta^hca de un galifardo y dice:

– Díñeme un láguer, que estoy de emergencia.

El galifa le echa un jarro y el tipo lo traga en seguida y pide otro. Y cuando ya está en su nota, le dice el gallego:

– Dos veas.

Y el curda le dice:

– No le doy ni veas, ni cojones, que estoy arrancao.

Y comienzan a fajarse, hahta que el curda agarra un botellón pa romperle el céfalo al galifa. En eso llega un prieto que, sin coger un tamaño de bola, le dice al gaita:

– Díñeme un bulto de humón, que estoy de emergencia.

Pero, al ver la fajazón, se mete a desapartarlos. En eso llega la fiana y coge a los tres y los lleva ante el juez. Y el juez le pregunta al prieto:

– ¿Qué pasó?

Y el prieto dice:

– Aquí, asere, boncó monina, por la feté de mi ocamba que me diñó por el veo, menda es un pobre niche que no tiene ni timbales que vel en esa broncomonía. Hoy surnaba en el gao de mimé, y me levanté de mi parra, y salí huyendo por la Poma hahta llegal al tahca del galifa. Le pido un bulto de humón na má, pero veo que se tiene tremendo brete y que el curda apunta pal otro pa metel'le tremendo janazo en el moropo. Y me meto a desapartarlos. En eso cuela el soche y facha al niche. ¿Y qué cree sumé de tó eso?

Y el juez, que ya tiene la chola caliente, le dice:

– Dos meses del canón.

– Dos meses, ¿pa quién? ¿P'al curda? ¿P'al galifa?

– No, para usted.

– ¿Pa mí? ¿Pol qué?

Y el juez le responde:

– Por la broncomonía, y por sumé, y por encamar tan fu.

Комическая концовка всей этой истории ясна: судья, ошарашенный и выведенный из себя потоком невразумительной афро-кубинско-блатной речи героя, приговаривает его к двум месяцам тюрьмы. Но, вынося свой приговор и совершенно потеряв голову, он, сам того не сознавая, переходит на все ту же ненормативную, но понятную всей Кубе лексику.

А теперь рассмотрим по отдельности лексические единицы кубинской РР, которыми перегружен этот текст – опять-таки для достижения комического эффекта – в порядке их появления:

ta^hca – «бар»; слово заимствовано из просторечного *tasca* «забегаловка», весьма употребительного в самой Испании; возможно, его просторечностью объясняется смена грамматического рода.

galifardo – слово образовано от существительного *gallego* «галисиец», путём сложения его с существительным *fardo* «тюк; мешок». Как известно, всех испанцев на Кубе называют «галисийцами».

От рассмотренного слова образовано, путём усечения, слово *galifa*, а также и *gaita*, также встречающиеся в данном тексте. Последнее представляет собой каламбур, основанный на сходстве звучания слов *gallego* и *gaita*, что в испанском означает «1) дудка 2) разг. бледный, хилый человек».

diñar – «давать», слово цыганского происхождения, заимствованное кубинцами опосредованно, через разговорную речь живших на Кубе испанцев.

«*Lager*» – марка светлого пива; использован классический приём семантического словообразования – синекдоха.

estar de emergencia – «изнемогать (от голода, жажды и т.п.); *estoy de emergencia* – «больше нет сил терпеть»; разговорное выражение собственно-испанского происхождения.

estar en su nota – «напиться; набраться», разговорное выражение на основе метафорического переосмысления испанского *nota* «музыкальная нота».

vea – «песо» (*денежная единица*); происхождение неясно.

ni cojones – «хрен тебе»; чисто испанская нецензурная лексика.

estar arrancado – «быть на мели», разговорное выражение, использованное на основе метафорического переосмысления общеиспанского слова *arrancado* «ободранный».

fajarse – «драться» – слово, употребляемое в разговорной речи почти всей Латинской Америки. Происходит от испанского глагола *fajar* «наносить удар ремнем или подобным предметом».

curda – в просторечном испанском «пьяный»; от цыганского *curda* в том же значении.

céfalo – заимствовано из профессиональной терминологии врачей, где *céfalo* означает «череп». Очевидно, пришло в разговорный язык в этом значении из жаргона студентов-медиков.

prieto – «чёрный», заимствование из португальского *prêto* в том же значении.

sin coger un tamaño de bola – «не понимая, что происходит»; собственно кубинское разговорное выражение, построенное по моделям собственно-испанской РР.

bulto de humón – «стакан воды». Первое – из общеиспанского разговорного, где оно обозначает «тюк», а также «любая порция чего-либо». Второе – из африканских языков через язык секты *ньяньиго* (*ñáñigo*), на котором говорят члены религиозной секты африканского происхождения *абакуá* (*abacuíá*).

desapartar – «разделить, разнять». Просторечная форма общеиспанского глагола *apartar*; образована способом префиксального словообразования.

fiana – «1) власть; 2) полиция». Слово неизвестного, скорее всего африканского происхождения.

asere – «друг», обращение африканского происхождения, употребительное в языке *ньяньиго*

boncó – «хороший; добрый»; слово того же происхождения, что и предыдущее.

tonina – «добрый друг; брат» обращение того же происхождения.

feté – «правда»; слово заимствованное из цыганского (в цыганском – *fetén*).

ocamba – «1) старуха 2) мать»; заимствование из африканских языков. Соответственно:

por la feté de mi ocamba – «клянусь моей матерью».

(mi) menda – «я»; заимствование из цыганского. Часто бывает усечено до *mité*, в чем можно усмотреть аналогию с существующим в кубинском варианте архаизмом *sumé* (< *Su Merced*), что также нашло отражение в нашем тексте. То есть имеет место каламбур с оттенком иронии.

que me diño por el veo – «которая произвела меня на свет»; *diñar* – см. выше; *veo* «отверстие», слово африканского происхождения.

niche – заимствованное английское слово *nigger* «чёрный», изменённое согласно фонетическим закономерностям испанского языка.

timbal – название круглого барабана; слово африканского происхождения; выражение *ni timbales* является эвфемизмом, употребляемым вместо грубого *ni cojones*.

broncomonía – «перебранка; свара». Слово образовано приемом контаминации: *bronca* + *harmonía*. Совершенно очевидна ирония с комическим эффектом.

surnar – «спать»; заимствовано из цыганского *sornar* в том же значении.

gao – «дом; жильё»; слово цыганского происхождения.

parra – «циновка; кровать»; метафорический перенос от общеиспанского *parra* «виноградная лоза». Основание: стебли любой циновки переплетаются подобно стеблям виноградной лозы.

la Poma – «1) улица 2) город 3) Гавана»; из кубинского уголовного жаргона.

brete – «переполох, путаница»; слово образовано от общеиспанского *brete* «1) ножные кандалы 2) безвыходное положение 3) интрига 4) свара».

janazo – «сильный удар»; от кубинского слова индейского происхождения *jan* «столб; также палка».

mororo – «голова»; слово африканского происхождения, заимствованное из языка *ньяньиго* (см. выше).

colar – от разговорного общеиспанского *colarse* «явиться куда-либо непрошеным».

soche – «полицейский»; очевидно, слово, образованное путём фонетического варьирования от общеиспанского *socio*. На Кубе очень употребительно в разговорном языке в значении «друг», а применительно к полиции, очевидно, в ироническом плане.

fachar – «схватить»; очевидно, из португальского *faixa* [fáiša], «пояс», поскольку поясом часто связывали пленника.

chola – «голова»; от испанского разговорного *cholla* в том же значении. В основу выражения *chola caliente* положено испанское разговорное *calentar la cabeza* «морочить голову».

canón – «тюрьма»; гипербола с использованием увеличительного суффикса *-ón*, от общеиспанского арготического *cana* в том же значении (< *canasta*).

encamar – «говорить»; слово африканского происхождения, употребительное в языке религиозной секты *абакуá*.

fu – «плохо»; заимствовано из цыганского, где слово *fu*, а также *ful*, означает «1) плохой 2) злой», а также «1) плохо 2) со злым умыслом».

Источники толкований: словари А. Хименеса, Л. Бессеса, Ф. Ортиса, А. Сантиэстебана, В. Леона и Х.М. Оливера, К. Пас Переса, а также отдельные лица, послужившие информантами автору данной работы. Основания каждого толкования подвергнуты критическому анализу самим автором [Садиков, 2016: 350-400]¹.

Источники кубинской разговорной лексики.

Кубинский вариант испанского языка отражает богатую и разнообразную культуру своей страны. На его становление и развитие повлияло множество различных исторических факторов, таких как особенности процесса завоевания и заселения острова, языки индейцев, населявших остров до прихода испанцев, наложение языков африканских народов, влияния культурного характера и особенности политической, социальной и культурной истории собственно кубинского этноса. Характерные последствия

¹ В основу толкований положена также классификация способов словообразования в испанском языке, подробно изложенная в нашей более ранней работе.

этой истории мы наблюдаем и на фонетическом, и на морфосинтаксическом уровне, но наибольший интерес для нашего исследования представляет именно лексика.

Итак, каковы же слагающие лексиканы кубинской РР?

1. Индейский элемент.

В отличие от ряда других американских вариантов испанского языка, индейский субстрат в кубинском варианте представлен слабо. Это – две-три сотни заимствований, в основном из аравакско-карибских, науа (ацтекского), майя и кечуа, которые за время правления испанцев распространились по всему континенту. Среди них – и такие ставшие всемирно известными слова как *caimán*, *colibrí*, *canibal* – из аравакско-карибских, *aguacate*, *chocolate*, *tomate* – из науа, *caucho*, *cóndor*, *jaguar* – из кечуа и ряд других.

Что касается собственно Кубы, то в момент прихода испанцев ее населяли три этноса, говорившие на наречиях аравакско-карибской группы языков – гуанахатабэйи, сибонэйи и тайны (*guanajatabeyes*, *ciboneyes*, *tainos*). Гуанахатабейи населяли западную часть острова, некоторые жили в пещерах, другие вели кочевой образ жизни; источниками их пропитания были охота, рыболовство и собирательство. Сибонейи жили и на побережье, и в глубинных районах острова; источники существования у них были в основном те же, но они знали и начатки земледелия. По мнению историков, на наиболее высокой стадии развития находились тайны. Они также занимались охотой и рыболовством, но при этом вели оседлый образ жизни и занимались земледелием (отдельное крестьянское хозяйство называлось и ныне живым словом *hato*). При этом они умело пользовались огнем и имели развитый гончарный промысел. Основными орудиями труда им служили мотыга (*coa*), терка (*guayo*), пестик (*masana*, этим же словом обозначалась и боевая дубинка), а также и ряд других предметов, изготовлявшихся из дерева, костей или ракушек; индейские названия их не сохранились (отметим лишь слово *burén*, которое означало «глиняный кувшин»). Тайны выращивали кукурузу, маниоку, юкку, ананасы и табак. Из их языка некоторые слова – такие как *hamaca* и *tabaco* – проникли едва ли не во все языки мира.

Тайны жили в свайных постройках, а также в круглых хижинах (*bohío*), крытых пальмовыми листьями (*yagua*) или соломой, и имели достаточно развитую социальную структуру: здесь выделялись категории вождя (*cacique*), жрецов (*behiques*), которые были и врачевателями, старейшин, воинов и зависимых иноплеменников. Индейцы не знали частной собственности, все блага распределялись между членами родовой общины.

Индейцы поклонялись тотемам (*cemíes*) и почитали предков. Одним из главных событий их жизни были религиозные торжества с пением и танцами – *areíto*. Эти торжества происходили на центральной площади каждого селения, которая называлась *bateu*. Здесь же происходили игры в мяч, на которых присутствовала вся община; поэтому тем же словом назывались и игра, и сам мяч.

Все эти слова имеют хождение в языке Кубы и в наши дни. Но они исчисляются лишь несколькими десятками и находятся на периферии кубинской лексики. Причина – в быстром вымирании коренного населения Кубы, случившемся вскоре после появления там испанцев – в результате опустошительных эпидемий тех вирусных заболеваний, которые пришельцы, сами того не подозревая, занесли на остров и весь лежащий за ним континент. В Америке в целом эти эпидемии унесли миллионы жизней, а на Кубе от них в считанные годы вымер целый этнос с почти всем своим языковым и культурным наследием.

Из лексики коренных языков Кубы в нашем исходном тексте присутствует только слово *janazo* (< *jan*).

2. Африканский элемент.

Люди черной расы, завозившиеся с африканского континента и становившиеся рабами в Америке, сыграли значительную роль в этногенезе всех латиноамериканских наций, но в наибольшей степени – в двух из них: на Кубе и в Бразилии. Очевидно, что это тот случай, когда количество перешло в качество: сама массовость этой группы населения обусловила большой удельный вес их языков и культур в общей этнокультурной ситуации данной страны.

Представители африканской
и афроамериканской культур на Кубе

Рабов привозили из разных регионов Африки, они принадлежали к разным народностям и говорили на различных языках. По оценочным подсчетам Фернандо Ортиса, рабы говорили на примерно 300 языках и диалектах [Ortiz, 1975: 354]². В основном это были языки обширных территорий Западной Африки, простирающихся от современного Сенегала до современной Демократической Республики Конго: волоф, манде, фула, игбо, йоруба и многие другие, а кроме того – языки тропической Африки (семейство за-

² «... Говоря исключительно о языках, имеющих хождение в тех регионах, откуда негров завозили на Кубу, мы можем насчитать *grosso modo* 317 языков и диалектов». Следует иметь в виду, что Ф. Ортис, работавший над этой темой в первые десятилетия XX в., основывался на описаниях африканских языков, сделанных европейскими лингвистами во второй половине XIX в., когда эти языки были еще слабо изучены, и границы между понятиями язык, диалект и говор еще не стали предметом серьезной дискуссии.

падных банту): конго, кимбунду, овимбунду и ряд других. На уровне отдельных фактов ученые выявляют даже лексику суданских языков и восточных банту (язык маку́а).

Чисто лингвистически все эти языки принадлежат к большому семейству нигеро-конголезских языков, разделяющемуся на 6 подсемейств, каждое из которых, в свою очередь, ветвится на десятки и сотни языков и диалектов, являющих собой богатейший предмет для изучения. К языковой предыстории Кубы имеют отношение 3 подсемейства: а) западно-атлантические языки, прежде всего – волоф, фула, мандинго, б) языки ква, прежде всего – эфик, но также и йоруба, игбо и идома, и в) языки банту, прежде всего – конго и экой.

Все эти языки являются родственными генеалогически. Но за тысячелетия своей истории они пережили сложные процессы дифференциации и в исторически близкий нам период являют собой необычайно разнообразную картину и на уровне фонологии, и в грамматических системах и, разумеется, в лексике. Так, в области грамматики агглютинативному строю языков банту (с многочисленными элементами флективности) противостоит изолирующий строй языков ква, где слова практически не имеют морфологии, а большинство значений, являющихся грамматическими в других языках, передаются лексическими средствами или порядком слов. Различны и произносительные системы. Языки ква – тональные, причем тоны в них имеют смысловозначительное значение. Тональность одновременно позволяет уменьшить длину слова до 1-2 слогов; не случайно слова афрокубинского диалекта, происходящие из этих языков являются в подавляющем большинстве одно- и двусложными. Языки банту также имеют тоны, выделяющие некоторые лексические и грамматические значения, но роль тоновых различий здесь все же вспомогательная. Так что взаимопонимание между выходцами из различных областей этого обширного региона исключено – за исключением разве что близко соседствующих этносов. Так, народы эфик и эфор, жившие рядом и постоянно воевавшие друг с другом, имеют много общих слов.

Чтобы понимать друг друга, африканцы, оказавшиеся в положении рабов в Новом Свете, должны были выработать какую-то *lingua franca*. Разумеется, в испанских колониях в этой роли мог выступить только испанский – в самой примитивной форме, с элементарной грамматикой и с небольшим набором бытовой лексики. Все остальное языковое наследие могло существовать лишь в памяти рабов и в их общении, если повезет, с бывшими соплеменниками.

Рабов первого года проживания на Кубе называли *negros bozales*. И одновременно словом *bozal* стали называть язык, на котором общались с испанцами и между собой негры-рабы первого поколения. От него не осталось реальных свидетельств, остались лишь пародии на него в документах XVI-XVIII вв., и на основании их можно заключить, что это был типичный *nid-*

жин (или *креольский язык*), т.е. смешанный язык с упрощенной испанской грамматикой и лексикой, являвшей пеструю смесь испанских и африканских элементов различного происхождения³. Среди классиков испанского Золотого Века эти пародии встречаются у Лопе де Руэды, Лопе де Веги, Гонгоры, Кеведо, Кальдерона, Хуаны Инес де ла Крус, Киньонеса де Бенаvente и многих других. Отрывки из таких произведений цитирует в своей работе Джон Липски [Lipski, 1996: 114-129].

На первый взгляд, можно легко себе представить дальнейший ход языковых процессов. Могло бы произойти нечто подобное тому, что имело место на территории США, где языковая ассимиляция была полной и где афро-американское самосознание и самобытная культура существуют и развиваются, но языковое их выражение – совершенно английское (хотя и в форме американского национального варианта и его южных говоров).

Но на Кубе события пошли по-другому. Африканский элемент отнюдь не растворился в креольском испанском, а как бы впечатался в него, придав ему своеобразный и неповторимый облик. Произошел некий языковой и культурный афро-испанский синтез, подобный испано-итальянскому синтезу в Аргентине или испано-гуаранийскому – в Парагвае.

Как это происходило и почему вообще это стало возможным?

Ни на одном из африканских языков в эпоху работорговли не было письменности, а значит – у всех этих языков почти не было шансов выжить в новых условиях. Кроме того, поначалу креольские плантаторы прилагали значительные усилия к тому, чтобы перемешать, насколько возможно, людей из разных этносов, чтобы лишить их шанса выработать какую-либо этническую солидарность и договориться о бунте. Приходится лишь удивляться тому, что такое количество отдельных фрагментов этих языков все же сохранилось. Отчасти это объясняется уже хотя бы тем, что некоторые плантаторы посчитали, что если объединить рабов в группы по этническому принципу, то производительность их труда будет выше, поскольку можно будет сыграть на соперничестве этих групп между собой. Но это лишь одно и не самое важное обстоятельство.

Другим фактором сохранения африканских элементов в языке и сознании был демографический. Как известно, эпоха расцвета рабовладельческого хозяйства на Кубе (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.) была отмечена высокими показателями ввоза рабов из Африки. Производство росло, а смертность среди рабов была высокой, и потери надо было восполнять. Поэтому приток населения из Африки не прекращался, а с ним и напоминание афрокубинцам об их языковых и культурных корнях.

³ Детально описаны в научной литературе такие креольские языки как *паленкero* (афро-испанский, на территории Колумбии), *пальяменту* (афро-нидерландско-португальский, в Кюрасао), *креоль* (афро-французский, на Гаити), *пиджин-инглиш* и *бич-ла-мар* (оба – афро-английские, с добавлением элементов из других языков), афро-португальский язык Кабо-Верде и некоторые другие.

Обратимся к статистике. По данным Оскара Пино-Сантоса, собранным из различных источников, за период с 1762 по 1853 гг. на Кубу было завезено – оценочно – около 523 тыс. африканских рабов [Pino-Santos, 1964: 99]. Их доля среди населения Кубы колебалась в пределах от 25% до 43%, пока в 1861 г. не стабилизировалась на уровне 26,5%. Но следует иметь в виду, что не все черное население Кубы имело статус рабов. К тому же существовала и значительная прослойка свободных мулатов, хотя их социальный статус был ниже, чем статус свободных белых.

И, наконец, важнейший фактор – этнокультурно-религиозный.

Огромную роль в передаче культурного наследия от поколения к поколению – как и всегда у бесписьменных народов – играло устное предание. Конечно, со своими хозяевами и другими креолами выходцы из Африки вынуждены были изъясняться на испанском, хотя бы и самом примитивном. Но ничто не могло помешать родителям пересказывать своим детям предания, услышанные в детстве от их собственных родителей, а старикам – рассказывать о верованиях предков всем членам общины. То же касается и магических ритуалов – исцеления, очищения, изгнания духов, приворота, порчи и т.д. – на которые у простого народа всегда был высокий спрос.

Является общим местом этнографии факт обилия на всем африканском континенте самых разнообразных языческих культов, как правило, с большой долей мистики, и исповедующих их сообществ, часто тайных. Каждое из них имеет свой пантеон богов и богинь, духов и демонов, свои ритуалы, часто сопряженные с насилием, свои празднества, часто экстатические или оргиастические. Причем один и тот же человек может состоять одновременно в нескольких сообществах. Помимо прочего, эти секты воплощают в своем сознании культ мужского начала, физической силы и агрессивности; женщины в них не допускаются, но женщины могут образовывать свои сообщества.

Разумеется, в своей исходной форме эти культы не могли сохраниться на плантациях, где поведение рабов так или иначе контролировалось. Но уже с самого начала массового использования рабского труда на Кубе стали возникать так называемые *паленке* (*palenque*, буквально – «частокол») – укрепленные поселения, скрытые глубоко в джунглях или в горах, куда испанцы не очень стремились углубляться и куда стекались беглые рабы, готовые защищаться до последнего. Там они могли воспроизводить свои религиозные ритуалы, а также общаться, перенимая друг у друга слова и выражения африканского происхождения.

Но культурные и религиозные традиции африканского происхождения выживали и на плантациях. На общение, пение, танцы у рабов оставались ночи, воскресенья и праздники. Для того чтобы расширить в этом плане свои возможности, они применили метод, который в других частях Испанской Америки уже опробовали коренные народы. Поскольку подвластных испанцам людей было принято обращать в христианство – тем самым

рабовладение оправдывали заботой о спасении души рабов – то эти последние, освоившись в новой ситуации, стали с готовностью почитать христианских святых и отмечать церковные праздники. Разумеется, вчерашние африканцы выражали свою радость по поводу дня очередного святого так, как умели, т.е. шествиями, песнями и танцами в традиционной для себя манере. На эти формы эстетического самовыражения испанцы смотрели снисходительно. Они даже не догадывались, что у каждого святого было два лица: один – его христианский образ, запечатленный на иконах и хоругвях, другой же – лик того или иного африканского божества, который продолжал жить в памяти рабов и имел для них реальное значение.

Подобный синкретизм делал возможным для афрокубинцев устраивать празднества в честь своих богов в те же дни, на которые падали праздники в честь христианских святых. Церковь, плантаторы и власти не возражали против шумных церемоний и шествий, которые рабы устраивали в дни церковных праздников, когда им так или иначе полагался отдых. Церковь смотрела на них как на путь освоения выходцами из Африки христианских верований, плантаторы и власти – как на необходимую рабам психологическую разрядку. Известно, что в свое время даже на кораблях, везших груз «черного дерева» к берегам Америки, работорговцы устраивали для невольников вечера с пеньем и танцами – очевидно, чтобы снизить вероятность бунтов и самоубийств.

Но сращиванием пантеона христианских святых и африканских богов дело не ограничилось. Этническое и религиозно-мистическое самосознание вчерашних африканцев продолжало работать, порождая формы религиозного поведения, так или иначе воспроизводившие традиции предков, хотя и в определенной степени обобщенные – ввиду необходимости согласовать между собой мифы и верования разноплеменных предков. Людей одной расы и одной судьбы надо было не разъединять, а объединять. Результатом стало появление тайных религиозных сообществ с их мистическими, а подчас и кровавыми унаследованными от предков культами.

Мы не будем подробно вдаваться в факты и вехи формирования сети тайных религиозных общин, распространившихся по всей Кубе – это дело историков, и кубинские историки весьма основательно изучают этот процесс. Достаточно сказать, что на протяжении XIX в. на Кубе сложились десятки тайных религиозных обществ, формировавшихся и по этническому признаку, и по месту проживания, о которых можно говорить как о некоей совокупности – притом, что между ними существует и множество частных различий. И эта совокупность получила общее название *абакуá* (*абасуá*).

«Абакуá – это тайное общество, исключительно мужское по составу, самофинансируемое за счет взносов и сборов денег среди членов, имеющее сложную иерархическую организацию, предполагающую наличие чинов (*plazas*) и служителей (*asistentes*), верящее в существование потусторонних существ, имеющее эзотерический ритуал, чья тайна, ревностно хранимая,

имеет материальное воплощение в виде барабана *экуэ*, осуществляющее церемонии посвящения, обновления, очищения и смерти, сулящее своим членам блага преходящие и вечные, устанавливающее для них законы и наказания, обязательные для исполнения, имеющее тайный эзотерический язык, а также дополнительный графический язык, состоящий из надписей, печатей и священных начертаний. Это общество составляет и по сей день культурное явление, не имеющее аналогов, ... является чрезвычайно важным для познания наших традиций, наших культурных институтов, нашего фольклора» [Sosa Rodríguez, 1982: 124].

Представитель культа абакуа

Итак, *abakuá* – это обозначение культа африканского происхождения, а также тайного общества, отправляющего этот культ. Словом *ñáñigo* обозначается каждый из членов того же сообщества; соответственно, *ñáñiguismo* – синоним слова *abacuá* в первом из указанных значений.

Происхождение этих слов не совсем ясно. Среди версий происхождения выделяются две: или это сохраненное обозначение места происхождения («страна Ква»); или же оно восходит слову языка эфик *akwá*, обозначающему «смерть» – поскольку последняя занимает очень важное место в сознании адептов данного культа.

Относительно *ñáñigo* большинство исследователей согласны в том, что это – результат сращения слов [*ñáña*] – «леопард» в языке эфик, и [*ngo*] – то же самое в ряде языков банту.

Расовый состав общин различен. Одни из них пестры по составу, другие исповедуют принцип расовой чистоты (только черные). Разногласия между ними по этому вопросу не раз выливались в уличные столкновения.

Разумеется, при смешении африканских языков в лоне возникшего афро-кубинского сообщества не могли выжить ни произносительные нормы, ни морфология каждого из них. Произношение афро-кубинского диалекта – просторечное антильско-кубинское, уходящее корнями в андалусский диалект; морфология – корневая, т.е. слова представляют собой лишь лексические морфемы; синтаксис – упрощенный испанский. А реальное пространство его существования – лексика. И эта лексика многочисленна и разнообразна. Она покрывает, прежде всего, поле религиозных верований

и ритуалов, фетиши разного рода, но также и группы понятий, относящихся к повседневной жизни: человек, его анатомия, черты характера, поведение, еда и одежда, предметы быта, растения и животные, явления природы и т.д. Большую тематическую группу составляют предметы и явления культуры, особенно музыкальной. Отметим, что значительная часть лексики африканского происхождения сохранилась именно в языке религиозных и любовных песнопений.

В составленном автором этих строк словаре афрокубинского диалекта насчитывается около 600 лексических единиц африканского происхождения, принадлежащих к отмеченным выше тематическим группам. Но уже предварительное знакомство с лексикой песенного фольклора свидетельствует, что при ее основательном анализе этот словарь может вырасти как минимум вдвое. Отправным для любого исследователя здесь должен послужить фундаментальный труд Фернандо Ортиса «Африканское начало в народной музыке Кубы» [Ortiz, 1965].

Из сказанного можно заключить, что афро-кубинский диалект мог бы быть самодостаточным как средство общения. На деле, однако, этого не происходит. В наибольшей степени его лексика сконцентрирована в текстах религиозных церемоний, молитв, заклинаний и песен; в остальных сферах жизни он проявляется как вкрапления, с большей или меньшей частотностью, в испанскую речь его носителей – как отражение, прежде всего, группового самосознания и солидарности. А за пределами сообщества *абакуá* он входит составной частью в разговорную речь кубинцев и служит одним из проявлений их на этот раз уже национального самосознания.

В процитированном нами тексте африканизмы насчитывают 10 единиц (9 слов + 1 фразеологизм), т.е. составляют 20% словарного состава.

3. Испанская разговорная речь.

Излишне говорить, что испанский язык – как в его кастильской, так и в его андалусской разновидности, сильно повлиявшей на язык всего Карибского бассейна – лег в основу кубинского национального варианта. Но нас сейчас интересует не этот самоочевидный факт, а влияние именно испанской РР на соответствующий пласт кубинской речи.

Отношения Испании и Кубы всегда были весьма тесными. Достаточно упомянуть тот факт, что когда в 10-е гг. XIX в. от Испанской империи отпадала одна американская колония за другой, Куба не сделала ни одного шага в сторону отделения. Но и после завоевания независимости связи сохранялись. По оценкам историков, накануне кубинской революции 1959 г. на Кубе проживало более 600 тыс. этнических испанцев, что составляло около 10% населения. Их уделом был мелкий и средний бизнес: бары, рестораны, небольшие магазины, мастерские и т.п. Естественно, что именно этот сектор экономики является сферой живого непосредственного общения, и именно здесь модели формирования лексики РР проникали из испанского варианта в кубинский (и наоборот).

К этим моделям относятся и приемы фонетического наращения (*galifardo*), и усечения (*galifa*), и фонетического варьирования (*soche*), и каламбура (*gaita, mimé*), и контаминации (*broncomonía*), а также и самый характерный прием семантического словообразования – метафора (*bulto, parra, brete, estar en su nota, estar arrancado*) – и прямые заимствования из общеиспанской разговорной речи – *tasca, fajarse, colarse, chola, cana* [Садиков, 2016: 350-400]⁴. Всего в приведенном нами тексте примерно треть лексических единиц происходят от общеиспанских разговорных лексем. При этом нельзя не заметить, что значительная часть подобной лексики, хотя и образована по общеиспанским моделям, но представляет собой продукт языкотворчества самих кубинцев.

И конечно, нельзя не отметить тот факт, что устная форма этого анекдота – это андалусский диалект – тот самый, что лег в основу испанского языка всего Карибского бассейна и Атлантического побережья Центральной и Южной Америки. Историческая причина – преобладание выходцев из Андалусии среди тех мигрантов, которые отправлялись за океан, чтобы найти там кусок плодородной земли, в котором им было отказано на родине. Но и команды судов, которые перевозили африканцев-рабов через Атлантический океан и были первым их языковым контактом с новой средой обитания, формировались преимущественно из андалусийцев, а также из выходцев с Канарских островов, говоривших на том же диалекте.

Этим и объясняется наличие в речи нашего героя таких произносительных единиц как *tahca* (< *tasca*), *vel* (< *ver*), *hahta* (< *hasta*), *llegal* (< *llegar*), *ná má* (< *nada más*), *metel'le* (< *meterle*), *pa* (< *para*), *pal* (*para el*), *pol* (< *por el*), *tó* (< *todo*). Подробно явления *андалусизма* в испанском языке Америки описаны в большом количестве работ, на которые ссылается, в частности, в своей обзорной монографии Дж. Липски [Lipski, 1996].

4. Цыганский элемент.

Выше мы говорили о наличии и роли испанского этнического элемента в составе кубинского этноса. Но цыгане на Кубе?

Эта этническая группа появляется в Испании в середине XV в. Как и в других странах Европы, принадлежащие к ней люди пребывают здесь на положении париев, лишь постепенно и частично вписываясь в социальную структуру испанского общества. Будучи маргинальным социальным слоем, они неизбежно должны были войти в тесный контакт с другим подобным слоем – преступным миром. Результатом этого длительного контакта стало, помимо прочего, языковое смешение: с одной стороны, возник смешанный язык *калó* (*caló*) – язык, цыганский по происхождению, но заимствовавший

⁴ Подробная классификация способов словообразования в современном испанском языке приводится в нашей более ранней работе.

у испанского языка ряд служебных морфем – окончания множественного числа, флексии спряжения; а с другой стороны, испанское воровское аргó вобрало в себя значительное количество цыганской лексики. Она появляется там уже в XVI в. (зафиксирована в словаре Хуана Идальго 1611 г. издания), очень употребительна, по свидетельству Л. Бессеса, на рубеже XIX-XX вв. и продолжает употребляться в настоящее время, о чем свидетельствует словарь В. Леона, составляя как бы «золотой фонд» испанской воровской речи.

К этому «золотому фонду» принадлежат, в частности, такие широко распространенные во всем ареале испанского языка слова как: *baisa* «рука», *diñar* «дать», а также *diñarla* в значении «умереть», *estaribel* «тюрьма», *cliso* «глаз», *choro* «вор», *diquelar* «смотреть», *fusca* «пистолет» (из славянского *puška*), *manú(s)* «человек», *merar* «убивать», *pinrel*, *pinriel* «нога», *rache* «ночь» и многие другие.

Отметим, что слова цыганского происхождения имели хождение и в русском аргó. Так, в первой половине XX в. в нем были отмечены такие слова как *марать* (в значении «убивать»), *чардовать*, (в значении «воровать») и некоторые другие.

И, поскольку преступный мир неизбежно составляет некую часть любого этнического сообщества, слова подобного происхождения так или иначе должны были проникнуть в разговорную речь сначала испанской диаспоры на Кубе, а затем и в речь самих кубинцев.

В приведенном нами тексте словами цыганского происхождения являются: *curda*, *diñar*, *feté*, *fu*, *gao* и *surnar*, т.е. в данном случае это – более 10% лексики.

Обратим внимание на то, что, хотя общее количество цыганизмов в разговорной речи Кубы невелико, они обозначают предметы и понятия, наиболее часто упоминаемые в повседневной жизни и, соответственно, наиболее частотные в РР.

5. Португальский элемент.

Наличие как лексических единиц, так и грамматических явлений, явно заимствованных из португальского языка, не может нас удивлять. Ареалы этих двух языков соприкасаются на протяжении тысяч километров политических границ, которые всегда были проницаемы в обе стороны. Науке давно уже известны такие языковые образования, как так называемый *портуньоль*, результат смешения двух языков, на котором говорят жители пограничных областей Аргентины и Бразилии. Да и на самом Пиренейском полуострове наличие эстремадурского диалекта и галисийского языка лишь подтверждают давно известное явление лингвистической непрерывности. Взаимное влияние испанского и португальского языков в Западном полушарии неоднократно становилось предметом исследований; достаточно полное представление о них дает уже упомянутая книга Дж. Липски с ее библиографией [Lipski, 1996].

В нашем тексте лексические португализмы представлены лишь словами *prieto* и *fachar*, но в речевой действительности их присутствие гораздо более заметно. Достаточно сказать, что одно из самых употребительных разговорных слов на Кубе – то, которое кубинцы транскрибируют как *gallo* [произн. *gádžo*] и которое означает «парень», хотя и происходит в конечном счете от цыганского *gachó*, но в кубинский пришло именно через португальское *gajo* [*gážu*], иначе его звуковая форма была бы иной.

Мы оставляем в стороне влияние английского языка США на кубинскую лексику, поскольку это – обширная тема, которой посвящено множество работ, написанных на материале самых разных национальных вариантов испанского языка. Применительно к РР Кубы она заслуживает отдельного исследования. В нашем же тексте присутствует один-единственный американизм – слово *niche*.

* * *

Подведем итог. В рассмотренном нами тексте, как в капле воды, отразились реальные процессы формирования разговорной лексики кубинского национального варианта испанского языка. Это – не просто наследие, но многовековое взаимодействие кубинской РР с живым разговорным испанским языком, поддерживавшееся наличием многочисленной испанской диаспоры. Это также и многовековое взаимодействие кубинской РР с многочисленными африканскими языками, оставившее неизгладимый след в кубинском национальном варианте. И наконец, третий существенный момент: языковое творчество самих кубинцев, которое, как и во всех языках, находит свое главное выражение именно в стихии неформального общения, то есть в разговорной речи. Разумеется, наша работа не исчерпывает данной темы применительно к испанскому Кубы, но лишь слегка приоткрывает ее.

Словари/Diccionarios/Dictionaries

Besses L. Diccionario de argot español. España. Barcelona. Manuales Gallach. 1905.

Jiménez D.A. Vocabulario de dialecto gitano. España. Sevilla. Ed. J. M. Gutiérrez de Alba. 1846.

León V. Diccionario de argot español y lenguaje popular. España. Madrid. Alianza. 1984.

Oliver J.M. Diccionario de argot. España. Madrid. Sena. 1985.

Ortiz F. Nuevo catauro de cubanismos. Cuba. La Habana. Editorial de Ciencias Sociales. 1985.

Paz Pérez C. Diccionario cubano de habla popular y vulgar. España. Madrid. Agualarga Editores. 1997.

Santiesteban A. El habla popular cubana de hoy. Cuba. La Habana. Editorial de Ciencias Sociales. 1985.

Список литературы:

- Иванова М.Т., Мартынова Н.А., Хонкасало Э.И. (1971) *Испанский язык на Кубе*. Высшая школа, Москва. 153 с.
- Садиков А.В. (1984) *Пути формирования лексики социального диалекта в современном испанском языке*. МГППИЯ, Москва. 212 с.
- Садиков А.В. (2016) *Испанский язык сквозь призму лексики: Лексикология испанского языка*. Изд. 2-е. ЛЕНАНД, Москва. 416 с.
- Садиков А.В. (2017) К вопросу об африканском элементе в испанском языке Кубы. *Вопросы иберо-романистики*. Вып. 16. МАКС Пресс, Москва. С. 270-276.
- Lipski J. (1996) *El español de América*. Cátedra, S.A., Madrid, España. 446 p.
- Ortiz F. (1965) *La africanía en la música folclórica de Cuba*. 2ª ed. revisada. Editora Universitaria, La Habana, Cuba. 489 p.
- Ortiz F. (1975) *Los negros esclavos*. Editorial de Ciencias Sociales, La Habana, Cuba. 525 p.
- Ortiz F. (1991) *Estudios etnosociológicos*. Editorial de Ciencias Sociales, La Habana, Cuba. 280 p.
- Pino-Santos O. (1964) *Historia de Cuba: aspectos fundamentales*. Consejo Nacional de Universidades, La Habana, Cuba. 352 p.
- Sosa Rodríguez E. (1982) *Los ñáñigos*. Casa de las Américas, La Habana, Cuba. 464 p.
- Valdés Bernal S. (1977) Caracterización lingüística del negro en la novela ¡Ecue-Yamba-O! de Alejo Carpentier. *Antología de lingüística cubana*. T. II. Editorial de Ciencias Sociales, La Habana, Cuba. P. 267-325.

References:

- Ivanova M.T., Martynova N.A., Honkasalo E.I. (1971) *Ispanskii yazyk na Kube* [The Spanish language in Cuba], Vysshaya shkola, Moscow, Russia.
- Sadikov A.V. (2017) K voprosu ob afrikanskom elemente v ispanском yazyke Kuby [On the African element in the Spanish language in Cuba], *Voprosy ibero-romanistiki*. Vyp. 16, MAKS Press, Moscow, Russia, pp. 270-276.
- Sadikov A.V. (2016) *Ispanskii yazyk skvoz' prizmu leksiki: Leksikologiya ispanского yazyka*. Izd. 2-e. [Spanish through Vocabulary: Lexicology of the Spanish Language. 2nd ed.], LENAND, Moscow, Russia.
- Sadikov A.V. (1984) *Puti formirovaniya leksiki sotsial'nogo dialekta v sovremennom ispanском yazyke* [Ways of shaping the vocabulary of the social dialect in contemporary Spanish], МГППИЯ, Moscow, Russia.
- Lipski J. (1996) *El español de América*, Cátedra, S.A., Madrid, España.
- Ortiz F. (1965) *La africanía en la música folclórica de Cuba*. 2ª ed. Revisada, Editora Universitaria, La Habana, Cuba.
- Ortiz F. (1975) *Los negros esclavos*, Editorial de Ciencias Sociales, La Habana, Cuba.
- Ortiz F. (1991) *Estudios etnosociológicos*, Editorial de Ciencias Sociales, La Habana, Cuba.
- Pino-Santos O. (1964) *Historia de Cuba: aspectos fundamentales*, Consejo Nacional de Universidades, La Habana, Cuba.
- Sosa Rodríguez E. (1982) *Los ñáñigos*, Casa de las Américas, La Habana, Cuba.
- Valdés Bernal S. (1977) Caracterización lingüística del negro en la novela ¡Ecue-Yamba-O! de Alejo Carpentier, *Antología de lingüística cubana*. T. II, Editorial de Ciencias Sociales, La Habana, Cuba, pp. 267.